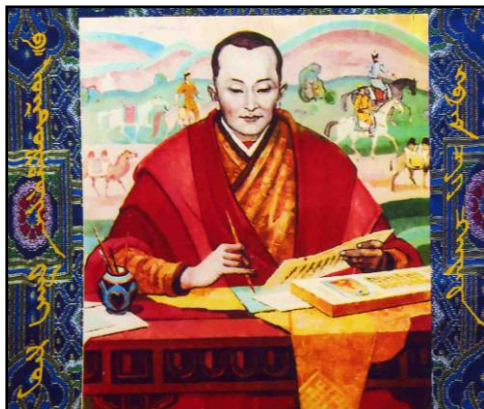

Личность в истории края

Ученый. Просветитель. Гуманист. Зая-Пандита

Имя ученого просветителя Зая-Пандиты Огторгуйн Далая хошутского неразрывно связано с многовековой историей духовной культуры калмыцкого народа, в которой он является создателем национальной письменности, выдающимся переводчиком и великим просветителем.

Значение хошутского Зая-Пандиты Намкайджамца в истории духовной культуры многих монгольских народов огромно. Но особенно велика роль его как просветителя и создателя национальной письменности ойратского и калмыцкого народов.

Калмыки, прежде всего кочевой народ, имеют свою богатую историю и бережно хранят лучшие традиции далеких предков. Одной из таких традиций является старокалмыцкая письменность «тодо бичиг» (ясное письмо).

На «Тодо бичиг» осуществлялась официальная переписка калмыцких ханов с русскими царями и административными органами еще во времена царствования Петра Великого. Письменностью Зая-Пандиты пользовалось калмыцкое духовенство, этой же письменностью писались и издавались вплоть до конца 19 начала 20 вв. труды на калмыцком языке (учебники, словари и т.д.).

Важнейшие исторические и литературные памятники дореволюционной калмыцкой культуры: героический эпос «Джангар», поэма о Гэсэре, «Сказание об ойратах», «Монголо-ойратские законы 1640 года» и богатое устное народное творчество сохранились и воссоздавались благодаря старокалмыцкой национальной письменности «Тодо бичиг» и вошли в сокровищницу калмыцкой духовной культуры.

Зая-Пандита (1599 – 1662)

Ямаран чигн келн-улст билгэрн ончрсн, нернь туурсн, мөнкрэд туужд үүлдсэмтн бээдг биший. Үлгүрнь, орс келн-улсин бахмжнь – Александр Пушкин, украина улсин – Тарас Шевченко, башкир улсин – Салават Юлаев, хальмг улсин бахмж кедг эмтнэ негнь – Зая-Пандита мөн. Тегэд чигн хальмг улсин бичэч Бембин Тимофейин бичсн дууна үгмүдт хальмг улстан энйк нильчэн күргснэ тускар иигж келгднэ:

*Дөрвн өөрд хоорндан негдэж,
Дөрвн үзгдэн нер харла.
Чидл-зөргнь улм дегдлэд,
Чинр-күчнь холван давла.
Заяч заясн кишиг лавта,
Зая-Пандита учрснь айта.*

Хальмг келн-улсин бичгнь ач иктэ Ижлин көвөд эклж делгрлт авснь туужд темдгтэ. «Заяч заясн кишиг лавта, Зая-Пандита учрснь айта» гиж дуулгдгнь учрта. Зая-Пандита бээсн учрар, терүнэ билгин нилчэр хальмг келн-улс эврэннь алфавитта болснь лавта. Тегэд чигн хальмг улс энүгэрн бахмж кеж, үйэсн үйд энүнэ бүрдэсн, бичсн тоотыг күргж медүлхэр шунна.

Арвн доладгч зун жилд энүнэ билгнь өргн делгрлт авсмн. 1648 жилд Зая-Пандита «Тодо бичг» бүрдэхэд, хальмг улсан цецн, сурһуль-эрдмтэ болхин хаалһур йовхин улынь тэвсмн. Хальмг улс Зая-Пандитан бүрдэсн алфавитиг 1925 жил күртл олзлжасмн. Илднь келхлэ, 276 жилин эргцд ЗаяПандитан «Тодо бичг» олзлжасмн. Шинжэнд бээх мана хальмгуд ода күртл эн бичгиг олзлна.

Зая-Пандитан нернь хальмг улсин туужд мөнкрэд, ончта орм ээлжэнэ. Тегэд чигн хальмг күн болһнд бахмж үүдэнэ. Энүнэ намтринь ахрар келхлэ иим.

Зая-Пандита 1599 хаха жилд төрж харсмн. Хошуд яста күн. Энүнэ йосн нернь – Зая-Пандита Огторгуйин Далай, түвдэр болхла, энүг Намкай Жамцо гиж нерэддг бээсмн. Цаһан яста хошуд зээсн күүнэ өрк-бүлд эн өсөд боссмн. Арвн зурһа күрсн настань энүг хошуда Байбагас-Батур гидг нертэ зээсн көвүчлж би талан авсмн. Зая-Пандитад сэн сурһмж, гүн медрл өгхин төлө Түвдүр энүг 1616 жилин бийднь йовулсмн. Хөрн хойр жилин эргцд Түвдт сурһуль дасад, медрлэн өөдлүлэд, бурхн-шажна туст гүн медрлтэ күүнэ негнь болж төлжсмн.

Энүнэ намтрт сурһуль яһж дасснь, кенэд бээснь тодрхаһар келгднэ. Лхасур ирхлэрн, Түвдин зээснүдин керг-төрэр бээх залврин хардачин герт Зая-Пандита бээсмн. Орт-нутгин түрүн сановникин герт Лхасур ирж, ламаизмин халхар сурһуль дасжах эмтн кезэд чигн бээршлдг бээсмн.

Сурһуль дасхар ирсн Зая-Пандита арднь орад түвд кел дасад, түвд улсин туужинь сээнэр медж авхар икэр шунжасмн.

Шулун-шудрмг, билгтэ көвүн сурһульдан күцэмж бэрэд, сурһульчнр дунд ончрдг бээж. Тегэд чигн Зая-Пандита хөрн долатадан номин рабдхамбин өөдэн девснгин цол зүүснәннь хөөн, түвдин хамгин ик гисн хурлын ламин өөдэн үүлд орулгдсмн. Далай-ламла өөрхн бат залһда эн бэрдг бээсмн.Өөдэн эрдм-сурһуль авсн Зая-Пандитад энүнэ баһшнрнь чигн, Далай-лам чигн төрскнүрн одад өөрднр дунд бурхн-шажна ном тархасн деерэн, моңһл улс дунд цээлһврин көдлмш кехинь даалһсмн. Түвдин хурлмудын хардачнр Зая-Пандитаг цуг моңһл улсин ламын үүлд орулх күсл тэвжэсмн.

1639 жил Зая-Пандита Зүнһарур ирэд, бийдэн эцк болсн Байбагас-Батурин көвүн – хошуда Очр-тээжин ээлжэсн Тарбагат бээрнд үвлэсмн. Зая-Пандита эврэннь элгн-саднла ни-негн бээж, залһлдаһан таслдго бээсмн, эврэннь өөрхн элгн-садн болсн Очр-тээжин ээлжэх һазрт уданд бээршлсмн. 1640 жилд төрскнүрн ирснэ хөөн Тарбагатд цуг Зүнһара элчнрин ик хуралт болсмн. Терүн деер «Цаажин бичг» батлж авгдсн болдг.

Зая-Пандитан тускар, нег үлү хальмг келн-улсин бичг делгрүүлһнэ туск эн күн ямаран ач-тусан күргсинь ил зааж филолог номин доктор, профессор Борис Климентьевич Пашков иигж бичжэнэ.

Зая-Пандитан ач-туснь йир ик. Моңглын хуучн графикин улд ойратмудын алфавит бүрдэһэд, терүнд немр үзгүд, диакритическ темгдүд орулад, үзгүдтнь онц кев-янз орулсмн.

Алфавитнь өөрмүдин келнэ фонемсин ханьта ниицүлгдсмн. Цуг фонемс бийдэн ирлцнһу үзгтэ болсмн.

Бичгин чик бичлһнь (орфографнь) бас йилһгдсмн. Тегэд чигн Зая-Пандитан бичг моңһлын хуучн бичгэс зөвэронц болж тохрсмн. Хойрдвар болхла, Зая-Пандита эврэннь орчулсн үүдэврмүдэрн өөрдмүдин урн-үгин келиг государственн келнэ чинрт күргж батлснь бахмжта йовдл гиж келх кергтэ.

Зая-Пандита түвд болн санскритск келнэс арвн хойр жилин эргцд (1650 – 1662) 177 үүдэвр ойрат-хальмг келнд орчулсмн. Арвн доладгч зун жилин чилгчэр, Зая-Пандита өңгрснэ хөөн иим көдлмш күцэгдснь «Зая-Пандитан намтрас» медгдсмн.

Зая-Пандитан билг-эрдмнь, төрскн хальмг улстан ик ач-тус күргсинь темдглэд, профессор Б. К. Пашков энүг Хальмгин туужд нернь темдгтэ олна үүлдэчнр Батур-хун тээж Хо Өрлг хойрин нег зерглэнд Зая-Пандита йовхинь зааж бичжэнэ.

1998 жилд «Тодо бичг» бүрдэгдснэ 350 жилин, Зая-Пандита төрж һарснас нааран 400 жил болсна байрта өөн Хальмг таңһчд өргэр темдглгдсмн. Таңһчин хотл балһсн Элстүр өөнин байрт орлцхар хоша бээх республикүдэс, краймудас, областьмудас болн һазадын орн-нутгудас: Моңһлас, Шинжэнэс номтнр ирж эник байрт орлцсмн.

Зая-Пандита хальмг улсин бахмжнь мөн. Тегэд чигн энүнд нерэдж бичсн кесг үүдэвр бээнэ. Үлгүрнь, Зая-Пандитан зургиг хальмгт нернь темдгтэ билгтэ зурач Г. Рокчинский зурсмн. Билгтэ үүлдэчд нерэдэд тэвгдсн бумблв Элстин тавдгч микрорайонд дүңгэжэнэ. Хальмг театрин сцен деер «Зая-Пандита» нерэдлһтэ наадн үзүлгднэ. Эн наадыг театрин ах режиссер Борис Шагаев бичсмн. Хальмг улсин бичэч Бембин Тимофейта бидн «Зая-Пандита» гидг ду бичж һарһлавидн. Келхэс, энүнэ нернь хальмг улсин туужд темдгтэ орман олж герлтж йовхнь лавта.

Эрднин, А. Зая-Пандита (1599 – 1662) / Эрднин А. // Эрднин А. Буурл тег, чамдан! /Эрднин А. – Элст: АОр «НПП «Джангар», 2006. – Х.28 – 30.

«Ясное письмо» Зая-Пандиты

В 1968 году в Элисте отмечалась знаменательная дата – 320-летие калмыцкой письменности, созданной известным калмыцким ученым Зая-Пандитой. Этой дате была посвящена научная конференция, организованная Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории.

Выдающийся просветитель и политический деятель Зая-Пандита – создатель первого ойратского алфавита «Тодо бичиг» («Ясное письмо»).

Зая-Пандита Намкайджамц (или, как его называли тогда, – Охторгуйн Далай) родился в Западной Монголии. С юных лет будущий ученый проявил большие способности к науке, научному мышлению, в особенности к языкознанию. К семнадцати годам ему было присвоено духовное звание «цанди» и он был отправлен для продолжения учебы в Лхассу (Тибет). Здесь он изучил философию буддизма, достигнув, по призванию его наставников, «пределов совершенства» в этом деле. Много читал, изучал различные науки, переводил с тибетского на ойратский.

Только спустя двадцать два года, став уже крупным, признанным ученым, умудренным богатым жизненным опытом (ему было тогда сорок лет), он возвратился в родные места. Ученый много ездил по Западной и Восточной Монголии, а в 1647 году побывал на Волге, в гостях у калмыков. Часто посещая кочевья ойрат-калмыков, он понял, что является главным препятствием в дальнейшем развитии национальной культуры – отсутствие письменности, отвечающей всем особенностям и требованиям национального калмыцкого языка.

В далеком прошлом ойратская письменность создавалась на основе древнего монгольского алфавита. Но живой калмыцкий язык, являющийся одной из ветвей монгольского, во многом отличается от последнего. Зая-Пандита смело взялся за создание национального алфавита. И в 1648 году такой алфавит был создан. Он действительно отвечал всем особенностям литературного языка. Письменность, созданная на естественной основе нового алфавита, известна в науке под названием зая-пандитской. Она приблизила письменный язык к разговорному. Это был поистине подвижнический труд.

Зая-Пандита стал энергично и плодотворно пропагандировать свой алфавит, осуществляя на нем новые и новые переводы с тибетского и санскрита. Им был составлен первый на новом алфавите букварь «Цаган толга», ставший главным пособием для обучения грамоте взрослых и детей.

За двенадцать – четырнадцать лет, прошедшие после создания нового алфавита и до своей кончины в 1662 году, Зая-Пандита создал около пятидесяти оригинальных произведений и вместе со своими учениками перевел более ста пятидесяти книг и сочинений по различным отраслям знаний. Почти все эти годы он кочевал вместе с ойратами.

Создатель «Ясного письма» был разносторонне образованным и высоко эрудированным просветителем своего времени. Большой заслугой Зая-Пандиты является перевод на ойратский язык памятников древней индийской поэзии и шедевров устного народного творчества.

Высокую оценку Зая-Пандите дает большой знаток истории монголоязычных народов академик Б. Я. Владимирцов: «...представитель одного из ойратских племен хошеутов Зая-Пандита, – пишет он, – изобрел в 1648 году особый ойратский алфавит, основанный на общемонгольском, и установил правила новой орфографии, руководствуясь главным образом этимологическим принципом правописания. Еще большая заслуга Зая-Пандиты заключается в том, что им был определен и установлен язык ойратов».

На новом алфавите, созданном Зая-Пандитой, существует значительная литература, а ленинградская словолития Академии наук СССР имеет лучшие по красоте письма калмыцкие шрифты.

К вопросам калмыцкой письменности, к наследию Зая-Пандиты проявляет вполне понятный интерес и научная общественность Монгольской Народной Республики. До прихода в Россию, на Волгу, калмыки имели общую с западными монголами монгольскую письменность. На этой своеобразной иероглифической письменности были созданы и печатные книги – ксилографы еще в десятом веке.

Один из крупных специалистов – монголистов академик Академии наук МНР Б. Ринчин в письме к друзьям в Калмыкии сообщает, что во время этнолого-лингвистической экспедиции Академии наук Монголии он «собрал большую коллекцию калмыцких рукописных книг и несколько первопечатных, еще никому не известных переводов с тибетского» и что «монгольский институт языка и литературы сейчас имеет самую большую в мире коллекцию калмыцких-ойратских книг и рукописей, каталог которых мы в ближайшем будущем издадим для монголистов».

Зая-пандитская письменность оказалась жизненно необходимой и просуществовала среди калмыков свыше 275 лет – вплоть до 1924 года, когда она была реформирована в соответствии с новыми возросшими духовными потребностями возрожденного Великим Октябрем народа.

Предки нынешних калмыков пришли на Волгу с определенным уровнем развития национальной культуры, языка и письменности. Академик Б. Я. Владимирцов во вступительной статье к книге «Монголо-ойратский героический эпос» имел полное основание утверждать: «Калмыки – народ кочевой, но далеко не первобытный; они пережили много с того момента, как исторические обстоятельства вывели их на арену истории. Они знали и условия жизни отдельными, раздробленными племенами, они проходили стадию образования государства – племенного союза и делали попытки создания крепкого кочевого государства. Пришлось им в своих обширных кочевках видеть много земель, сталкиваться с разными народами: с китайцами, с киргизами, кавказскими горцами. Калмыки так же, как и другие монголы, в

свое время подвергались влиянию буддийской, тибетско-индийской культуры, они сумели вместе с кочевым бытом соединить известные культурные приобретения, например национальную письменность, начатки образованности».

Именно эти два слова – «начатки образованности» – как нельзя более точно определяют уровень культурного развития кочевого калмыцкого народа до Октябрьской революции.

Джимбинов, Б. «Ясное письмо» Зая-Пандиты / Б. Джимбинов // Джимбинов Б. Путешествие в страну Бумбу / Б. Джимбинов. – М.: Сов. Россия, 1978. – С.19 – 22.

Создание алфавита и восстановление орфографии

Как известно, Зая-Пандита, хошеут по происхождению, создал в 1648 г. на основе монгольского, новый ойратский алфавит (тодо). Зая-Пандита не ограничился изобретением новых букв и нового правописания, он стремился создать новый литературный общеойратский письменный язык. Зая-Пандита со своей задачей справился вполне: он создал действительно общий литературный ойратский язык на почве ойратских говоров. Однако язык, созданный Зая-Пандитой и дошедший до нас в переводах с тибетского, сделанных им самим и его школой, совсем не был каким-либо ойратским говором литературно обработанным, нормированным для нужд письменности. Это был язык искусственный, отличавшийся от народной живой речи многими архаизмами и монголизмами, а орфография основывалась на этимологическом принципе. По-видимому, для Зая-Пандиты материалом еще послужил живой эпический язык ойратов.

Выполняя функции делового языка, ойратский письменный язык за время с 1648 по 1924 гг. значительно сблизился с народной речью, в остальных же функциях (язык религиозной литературы и др.) он почти остался в застывших формах, раз установленных Зая-Пандитой и его школой. Поэтому развитие этой письменности условно можно было бы разделить на два периода: ранний – XVII и XVIII вв., отличающийся архаизмами монгольского письменного языка, и поздний – XIX–XX вв., отличающийся сближением письменности с народной речью.

Заяпандитская письменность в Джунгарии

«Тодо бичиг», созданный в Джунгарии в 1648г. Зая-Пандитой (Намка Джалцаном), территориально имел распространение среди ойратоязычных народов – в Джунгарии, ныне Синьцзянском автономном районе КНР, в западных аймаках Монгольской народной республики и среди калмыков,

проживавших на юге России, ныне Калмыцкой автономной Советской Социалистической республике.

Зая-Пандита для своих соотечественников ойрат-калмыков сделал большое дело, создав для них национальную письменность. Им же и его учениками за период с 1650 по 1662 гг. были переведены с тибетского языка 210 книг различного содержания – главным образом религиозного. Биограф Зая-Пандиты о его литературной деятельности пишет следующее: «Литературная деятельность Зая-Пандиты, заключающаяся в переводах на родной язык сутр, тантр, поучений и шастр для Дөрбөн-ойратов, т.е. Хошоутов, Торгоутов, Дөрбөтөв, Зюнгарцев, Хойтов и др. с применением к переводам составленной им азбуки, выразилась, как результат двенадцатилетних его трудов с 1650 по 1662 г., в переводе многочисленных сочинений; переводы эти, как видно из сличения некоторых книг в переводе на монгольском языке с переводами Зая-Пандиты на язык ойратский, т.е. калмыцкий, были работами самостоятельными, т.е. не переделкою с монгольского языка, а переводами с языка тибетского. В числе главных переводов упомянем следующие сочинения: Тарбо Чэнбо, Алтан Гэрэл, Найман Минган Шилукту, Улигэрийн-Далай, Бөди Мөр, Чихула Кэрэктү, Мани Гамбум, Милыйн тууджи, Молон Тойни тууджи, Зункабайн тууджи, Чарья Аватара, Дөрбөн Үндүсүн (медиц), Сувахита, Мөрийн-Зула, Йокту Нэрэ, Маха Мудрайн тайлбура, Гэлүнгийн Чога, Убаши Бандиин Чога и др. Приводя список сочинений, числом около 150, переведенных Зая-Пандитой, биограф замечает, что имеются еще много других переводов, ему неизвестных. Кроме того, Эркэ Цоргджи Рабджамба и Цорджи Кэлэмурчи Солбон к переводам Зая-Пандиты прибавили переводы многих других сочинений, в числе которых упоминаются переводы следующих сочинений: Сайн Галабыин Судур, Бурхани Арбан Хоюр Зокоол, Найман Мингатуйн хураангой, Наробайн тууджи, Гэгэн Толи, Сундуй и другие». (1)

Все эти произведения были написаны в Джунгарии во второй половине 17 века. В Джунгарии же на старокалмыцкой письменности составлялись различные литературные произведения, такие как: «Монголо-ойратские законы 1640 года», «Биография Намка Джалцана Зая-Пандиты», «Сказание о походе Убаши-Хун тайчжия против ойратов» и другие.

О монголо-ойратских законах 1640 года сказано: «Законы 1640 г. первоначально были написаны на монгольском языке имонгольской азбукой, бывшей в общем употреблении и применении у всех монгольских племен до 1648 года, т.е. до времени составления Зая-Пандитой особой для ойратов азбуки, а впоследствии монгольский текст был переложен на ойратский язык и ойратскими письменами; оттого в подлиннике ойратском или калмыцком встречается несколько слов с монгольским выговором и формами монгольского языка». Но в конце закона 1640 г. мы читаем: «Написали в счастливый день новолуния белого месяца года «земли-лошади» (1678 г.)».

Надо полагать, что вскоре после принятия нового ойратского алфавита и сначала становления ойратско-калмыцкого литературного языка этот подлинник был переписан с общемонгольской письменности на национально-ойратскую «йеке цаажин бичиг» (Великое уложение, 1640 г.) и было это видимо в 1678 году (дата, указанная в подлиннике). Тем более известно, что сам Зая-Пандита начал переводить тибетские религиозные сочинения на ойратский язык с 1650 г. – спустя два года после принятия нового ойратского алфавита.

В Джунгарии на заяпандитской письменности составлялись и официальные документы. Нам известны следующие официальные документы:

1. Письмо ойратского хана Галдана к русскому царю (1691 г.);
2. Письмо ойратского посланца Ачин-Кашки к русскому царю (1691 г.);
3. Три письма Зюнгарского хун-тайчжи Цэван Рабтана русскому царю (1724 г.);
4. Указ китайского богдохана (1875 г.);
5. Письмо Управляющего торгутами гуна (1875 г.);
6. Письмо Торгутской Ханши Инкебату (1876 г.);
7. Письмо Управляющего торгутами гуна (1876 г.);
8. Письмо Торгутской Ханши Инкебату (1877 г.);
9. Письмо Торгутской Ханши Инкебату (1879 г.) и другие.

В 1934 году, после Синьцзянской революции, заяпандитская письменность стала планомерно изучаться в школах среди ойратских племен, живущих в Синьцзянской провинции Китая. С этого же времени на заяпандитской письменности в гор. Тарбагатае стала выходить газета на ойрат-монгольском языке литографированным способом. Со времени установления народной власти в Китае в гор. Урумчи стала выходить на заяпандитской письменности на ойрат-монгольском языке типографским способом газета Шин-жянгиин өдөрин сонин.

Вышеуказанные письменные памятники монголо-ойратского языка, появившиеся в Джунгарии в 17 и 18 веках, для истории калмыцкого языка и письменности представляют огромный интерес, так как они показывают пути развития калмыцкого языка и письменности.

Заяпандитская письменность на Волге

Ойрат-калмыки появились на берегах р. Волги в 30-х годах XVII века. В 1648 году Намкай Джамцо Зая-Пандита создал алфавит и письменность. Таким образом, ойрат-калмыки прибыли к волжским берегам с той общемонгольской письменностью, которой они пользовались

до появления национальной ойратско-калмыцкой письменности и последняя была завезена к волжским ойрат-калмыкам позже.

О том, насколько была распространена письменность Зая-Пандиты среди калмыцкого гражданского населения и духовенства, пока нам мало известно, т.к. мы не располагаем соответствующими данными, которые говорили бы о развитии грамотности среди различных социальных групп калмыцкого населения в отдельности и по годам. Но мы имеем факты, которые характеризуют грамотность калмыцкого населения до Октябрьской революции вообще. Например, грамотность калмыцкого населения в 1913 году равнялась 2,3 проц. В 31 школе обучалось всего лишь 679 учащихся. Причем эти школы целиком были подчинены политике русификаторства, родной язык в них преследовался.

Состояние грамотности населения дореволюционной Калмыкии достаточно характеризует такой факт: по данным обследования Калмыцкой степи в Астраханской губернии в 1909 году из восьми улусов, где существуют школы, упоминаются только два улуса: Малодербетовский и Харахусовский.

О Харахусовском улусе сказано: «В улусе существует одна только школа при Улусном Управлении. В ней обучается около 20 человек – мальчиков за счет своего народа. Других школ нет. В средних и высших школах нет ни одного калмыка из Улуса». Эти обследования красноречиво подтверждают низкий уровень развития грамотности среди дореволюционного калмыцкого населения.

О низкой грамотности дореволюционного калмыцкого населения говорит также тот факт, что за время почти 300-летнего (1618 – 1917 гг.) нахождения калмыков на берегах р. Волги было издано для калмыцких школ всего лишь несколько учебников по калмыцкому языку. Учебники издавались на калмыцком языке, а иногда они издавались на 2-х языках: на калмыцком и русском. Эти учебники по своему содержанию могли послужить пособием только лишь для усвоения заяпандитского алфавита и приобретения некоторых навыков письма.

По другим дисциплинам учебники не издавались. Эти приемы «просвещения» калмыков были тесно связаны с политикой царских чиновников, которые старались не развивать грамотности среди местного населения, а умышленно ее задерживать. В резолюции X съезда РКП/б/ 1921 года мы читаем: «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к невеликорусским народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики неразвитость и политическая отсталость этих народов». Но вместе с тем мы наблюдаем факты другого порядка, когда православное миссионерство ведет усиленную работу по изучению калмыцкого языка. Представители миссионерского общества открывали школы калмыцкого языка, делали

переводы и издавали различные книги религиозного содержания, а также книги, восхваляющие русское самодержавие.

Эта култработа велась неспроста, задачей миссионеров было завлечь как можно больше трудящихся калмыков в православную церковь. А. Позднеев дает интересные факты о существовавших в разное время школ миссионеров по изучению калмыцкого языка. Он пишет:

1. «Ведомство св. Синода в 1740 году открывает школу калмыцкого языка в Ставрополе. Она существовала около 15 лет, потом закрылась.

2. Тоже самое случается в Самаре, где преподавание калмыцкого языка открывается в 1741 году и оканчивается в 1749 г.

3. В 1788 году основывается училище с преподаванием калмыцкого языка в Астрахани и существует до 1825 года, времени перехода Управления калмыцким народом в ведение Министерства Внутренних дел.

4. В 1828 году учреждается преподавание калмыцкого языка при школе медицинского ведомства в С.-Петербурге, но оно существует только восемь лет».

В отношении книг религиозного содержания на калмыцком языке, изданных миссионерами, известно следующее: «Окончил в 1809 г. перевод на калмыцкий язык Евангелия от Матфея, но его рукопись погибла при пожаре Москвы, так что печатание состоялось лишь в 1815 году. До 1817 г. все издание было раскуплено. Перевод четырех Евангелий и Деяний Апостолов на калмыцкий язык был окончен в 1822 г.; новый перевод Нового Завета на калмыцкий язык был предпринят А. Позднеевым при помощи нескольких ассистентов, чей труд был в 1896 году воспроизведен фотолиитографским путем в уменьшенном виде в Шанхае». Труды миссионеров не прошли даром. В результате их деятельности некоторое число калмыцкого населения в свое время приняло православную веру, даже были образованы поселки крещенных калмыков.

Также следует сказать о тех исторических документах, которые имеются на заяпандитской письменности. Как известно, эта письменность в течение продолжительного времени служила калмыцкому народу, в результате чего мы имеем важнейшие исторические документы, отражающие почти трехсотлетнюю (1648 – 1924 гг.) историю калмыцкого народа, которую необходимо изучать нашим исследователям.

Официальные документы, написанные заяпандитской письменностью на Волге, встречаются в калмыцких архивах, начиная с 1713 года, времен правления хана Аюки.

В центральном государственном архиве обнаружены письма Аюки-хана от 1715, 1721 гг.; Джала от 1713 г.; Чагдаржапа – от 1715, 1721 гг. и т.д.

Кроме того, по словам В. Л. Котвича, до Октябрьской революции в архиве Министерства Юстиции в столбце Московского стола № 44 имелись два письма Хошеутовского Аблай-тайши, одно – 1658 года, другое – 1662 года, В столбце 455 (6499) Сибирского приказа сохраняются письма, полученные из ойратских кочевьев за время до 1653 года. Наиболее

старыми из числа сохранившихся являются письма Чокур-тайши от 1642 года.

Заяпандитской письменностью написаны «История Гаван Шараба» (1737 г.); «Сказание о дөрбөн ойратах» (1819 – 1820), написанное Батур-Убаши-Тюменем; «Краткая история калмыцких ханов»; «Гесер» (калмыцкий вариант); «Сидди кюр» – (Волшебный мертвец); «Джангар» (10 песен); «Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ» (А. Позднеев, 1892 г.); дореволюционные калмыцко-русские словари и буквари.

В рассмотренных официальных документах калмыцких ханов XVIII века (Аюка-хан ПА, Чагдаржап – ПЧ и др.), адресованных представителям русского правительства, а также и в других памятниках калмыцкой письменности соблюдаются изменение заяпандитской письменности в сторону сближения с живой речью, утрата консерватизма монгольской письменной традиции. Это видно из слитного написания падежных окончаний со склоняемым словом и изменения форм самих окончаний, в то время как глагольные, причастные и деепричастные морфемы сохранились без изменений.

Номинханов, Ц. Д. Создание алфавита и восстановление орфографии. Заяпандитская письменность в Джунгарии. Заяпандитская письменность на Волге / Ц. Д. Номинханов // Очерк истории калмыцкой письменности / ред. Н. Н. Убушаев. – М.: Наука, 1976. – С.13 – 14; 25 – 28; 35 – 39.

Легенда «Как возникла письменность «тодо бичиг»»

Когда ойраты, не имея еще своей письменности, мучительно размышляли над тем, как создать алфавит, среди них отыскался один человек, славившийся своей мудростью. Узнав, что требуется от него, этот мудрец стал часто ходить по кочевьям, высматривая, с чего же можно срисовать знаки. В один из таких дней его внимание привлекла женщина, занятая выделкой овчины. Приняв это за предзнаменование свыше, этот процесс он и взял за основу при создании письменности: белую овчину, которую выделявала женщина, заменил бумагой, а следы, оставляемые на овчине эдрингом, срисовал и сделал их буквенными знаками. Вот почему считается, что в «тодо бичиг» (ясное письмо) рисунок букв очень напоминает следы от зубцов эдринга, а вертикальность строк объясняется тем, что овчину обычно выделяют, водя эдрингом сверху вниз.

Как возникла письменность «тодо бичиг» // Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басаев. – 2-е изд., стереотип. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – С. 58 – 59.

Образ Зая-Пандиты в художественной литературе

Эльдышев Эрдни Антонович родился в 1959 году в п. Яшкуль Яшкульского района Калмыцкой АССР, народный поэт Калмыкии, председатель правления Союза писателей Республики Калмыкия, заслуженный работник культуры Республики Калмыкия (1997г.), лауреат премии комсомола Калмыкии им. Героя Советского Союза Э. Деликова (1988г.), национальной премии «Улан зала» (2001г.), Почетный гражданин с. Яшкуль (2003г.), награжден медалью «За вклад в наследие народов России» Российского Союза Исторических городов и регионов (2004г.).

Зая-Пандит, эс гиж Өдстэ ном (тасрха)

Тоста цээһин деежэр
Теңгрт цацл цацна.
Жиннсн дууһар эн
Жирһлин йөрэл тэвнэ:
–Нэ, ода мана
Нилх ачинмидн
Кииснь акж
Көлнь шораттха!

Олн – эмтнд нертэ
Ончта үрн болтха!
Өөрдин нер дуудулж
Өлзэтэ хүвтэ өстхэ!

Эңкр һазран сээхрүлдг
Элвг ном хоршатха!
Күүнэ седкл меддг
Күчтэ мергн болтха!

Эврэ хошуда нутган,
Элдв халх моңһлдан,
Угта үрн болтха,
Урмдта күсл олдтха!

Уурхан санд күртж
У хаалһан олг,
Ачта үүлдвр күцэж
Алдр үрн болг!

Өвгн һар деерэн
Өкэр нилхиг авна.
Дунһра күцэд суусн
Дала саднь байрлна.

Йорин авьясар дегц
«Йөрэл бүттхэ!» – гилднэ.

–Зая! – гидг нер
Зааж ачдан өгчэнэв.
Зөрмг, чик ухата
Залу болхднь ицжэнэв.

Эльдшэ, Э. Зая-Пандит, эс гиж Өдстэ ном / Эльдшэ Э. // Эльдшэ
Э. Экин герэсн: шүлгүд, поэм, орчуллһс / Эльдшэ Э. – Элст: АПП
Джангар, 2001. – Х. 28 – 29.

Зая-Пандита, или колесо учения (отрывок)

...Чай, сдобренный маслом, в почтенье
Богам Заячи преподнес
И доброе благословенье –
Йорял – малышу произнес:

«Пусть будет он верен народу
Защитой и светом его,
Прославит ойратов породу
Пусть мудрость небес для него
Представится знаньем открытым,
Великою книгой Судьбы,
Пусть он мудрецом знаменитым
Посредством святой ворожбы

Найдет к совершенству дорогу,
Познает Учения Суть.
Развеет беду и тревогу,
Укажет нам правильный путь!»

Дед внука на сильные руки
Берет, вознеся над толпой:
«Впервые родился в нутке
Младенец с такою судьбой!
Пускай все исполнится в сроки,

Пусть он расцветет, как заря,
Даю ему имя – ЗАЯ,
Земные могучие соки
Поят наши корни не зря!

Эльдышев, Э.Зая-Пандита, или колесо учения: поэма,стихи/ Э.
Эльдышев; пер. с калм. А. Соловьева. – Элиста: Джангар, 1999. – С. 10
– 11.

Бембеев Тимофей Отельданович, член Союзов писателей и журналистов СССР и России, народный писатель Калмыкии, лауреат премий им. Э. Деликова и Международной литературной премии им. К. Симонова родился в 1930 году в с. Зурмута Лаганского района Калмыцкой АССР.

Зая-Пандит

Дөрвн өөрд хоорндан негдж,
Дөрвн үзгдэн нер һарла.
Чидл, зөрг, арһнь дегдләд,
Чинр, күчнь холван давла.
Заяч заясн кишг лавта,
Зая-Пандита учрснь айта!
Өөр, хол үлгүр кеж
Өөрд гиж келн болжала.
Урн үгнь берк янзрад,
Ухани билгин көлгн болжала.
Заяч заясн кишг лавта,
Зая-Пандита учрснь айта!
Эврэн дала сурһуль сурад,
Эңкр өөрдэн эн өрглө,
«Тодо бичг» гиж эн һарһад,
Тодрха номар эһтэн тетклө.
Заяч заясн кишг лавта,
Зая-Пандита учрснь айта!
Тернь зууһад жилмүд давад,
Теегин хальмгт герл болжана.
Мергн үг улм янзрад,
Медрл, ном делгү өсжөнө.
Заяч заясн кишг лавта,
Зая-Пандита учрснь айта!

Бембин, Т. Зая-Пандит / Бембин Т. // Эрднин А. Буурл тег, чамдан! / Эрднин А. – Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. – С. 32.

Скакунов Алексей Андреевич, член Союза писателей России, родился в п. Гигант Ростовской области.

«Тодо бичиг»

Зая-Пандите

Четыреста столь быстротечных лет
Стрелою Мингияна пролетели,
А мир как был далек от жизни цели,
Так и не смог доселе дать ответ.
Но в сладкозвучных струях бытия
Имеются такие перекаты,
Где мысли раскаленная струя
Гремит подобно громовым раскатам.
Рождается немеркнувший родник,
Аккордом баховым высвечивая Слово
И становясь ядром, первоосновой
Тому, что называем мы Язык!
В мелодии родного языка
С тобою навсегда нетленно слито,
Как с океаном быстрая река,
«Тодо Бичиг», мудрец «Зая-Пандита»!
Монах, подвижник, Истины слуга,
Ты спеленал слова калмыцкой речи.
И подвиг твой скрижалями отмечен:
«Тодо бичиг» – златые берега,
В которых вольно плещется
Душа – Величие, Бессмертие народа,
Его непогрешимость и свобода.
Потоком в мироздании дыша
И обретая форму, краски, звук,
Доступно тайнам, эврике наитий,
Становится пристанищем открытий,
Творений сердца, неустанных рук.

Скакунов, А. «Тодо бичиг»: Зая-Пандите / А. Скакунов // Скакунов А. Серебряные гривы: стихи и поэма / А. Скакунов. – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С.190 – 191.

Тепкенкиев Эрнест Иванович,член Союза писателей РФ, заслуженный работник культуры РК, родился в 1931 году в хотоне Бадрунгу Лаганского района Калмыцкой АССР.

Зая-Пандита

Тодо бичг түрүн үүдэсн
Тоомсрта номт Зая-Пандита.
Кел, сойл өөрдин өргсн
Келн-эмтни седклд ончта.
Бурхн-шажна ном делгрүлсн
Буйнч седклтэ Зая-Пандита.
Жирһлин дегтрмүд улст сексн,
Жигтэ гегэ үзүлснь ачта.
Бичкдүд тодо бичг дасна,
Билгтин нер оньдин һарһна.
Күцэсн керг-төрнь мөңкрнэ,
Күңкл сэн өдрт тохрна.
Хальмгин жирһл тааж медсн,
Хээртэ үрн Зая-Пандита.
Хальмг Таңһч эндр цецгәрсн,
Ханлт өргэд, менд-байрта.
Тодо бичг, тодо бичг
Төрсн Хальмгинм ууһн үзгдл.
Тодо бичг, тодо бичг
Тоомсрта, янзта, ончта йовдл.

Тепкенкиев, Э. Зая-Пандита / Э. Тепкенкиев // Тепкенкиев Э. Цаган Сар/ Э. Тепкенкиев. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – С.147.

Манджиев Олег Лиджиевич,член Союза писателей СССР с 1980 года. Первый в Калмыкии член Союза кинематографов СССР,родился в 1949 году в г. Новосибирске.

Возвращение Зая-Пандиты

Зая-Пандита брел домой.
А под ноги легли –
Рассветный час, и мрак ночной,
И мудрый год Змеи.
Одной мечтою лишьсогрет,
Словно звезда во мгле,

Зая-Пандита много лет
Провел в монастыре.
Там время медленно текло,
Средь старых книг он жил.
Тибет терпению его
И мудрости учил.
То пропасть, то вершины скал
Вставали на пути,
Тибет его не отпускал,
И – некуда идти.
Одной дорогою пойдешь –
Ограбят и убьют.
Другую– в пропасть упадешь
И вороны склюют.
Проводники – народ пустой:
Один упал со скал,
И ночью темною второй
Ограбил и сбежал...
Неведом путь его пролег
В горах, морях, степях,
Следы босых и пыльных ног
Лежат на облаках.
Змея, не тронь его в пути
И, хищный зверь, забудь,
Зая-Пандите впереди
Лежит далекий путь.
Определен Пандите срок
Скитаться по степи.
Лежат в тумане сто дорог.
А по какой идти?
Погасли звезды и луна –
И он шагал во мгле,
Звездой падучей письма
Царапал на земле.
Остры каменья под стопой –
Он голоден и бос.
Сухой запекшейся губой
Сбирает капли рос.
Укрыл его ночной покров –
Спит на сырой земле,
И звенья непокорных слов
Связует он во сне.
О степь священная, замри,
И ты замри, Земля:
Сейчас столетья и миры

Вбирает он в себя!
 Сейчас услышит божий глас,
 Душа исторгнет крик...
 Вот озарит его сейчас
 Прозренья яркий миг...
 Душа от тяжести хрипит,
 Вот из небытия
 Родилось вдруг!
 О, степь, возьми –
 Вот письменность твоя!
 Возьми, возьми «Тодо бичиг» –
 Вот «Ясное письмо»!
 Столб огневой возник в ночи
 И степи обожгло.
 О, вертикальная строка,
 Отныне, мир объемля,
 В тебе пульсируют века,
 Мысль бьется, свищет время.
 Степь в памяти тебя хранит,
 Кипящей сталью, зримо,
 Все пишет молния в ночи
 Магическое имя.

Манджиев, О. Возвращение Зая-Пандиты / О. Манджиев //
Манджиев О. Небесный родник: стихи / О. Манджиев. – Элиста: Калм.
кн. изд-во, 1982. – С. 30 – 33.

Образ Зая-Пандиты в искусстве

Рокчинский Гарри Олегович (1923 – 1993). Член Союза художников СССР с 1959 года. Заслуженный и народный художник России, заслуженный деятель искусств РК, лауреат государственной премии Калмыцкой АССР им. О. И. Городовикова. Награжден орденом «Знак Почета».

Основоположником калмыцкой письменности Зая-Пандита (1980 г.).

Зая-Пандита сидит за небольшим столиком, украшенным деревянной резьбой. Полуфигура, возвышающаяся над орнаментированным торцом стола, композиционно перекликается с традиционной буддийской скульптурой.

Образ Зая-Пандиты обаятелен, ясен, чист. Полуулыбка на его губах, опущенный взгляд, изящное движение тонких и нервных пальцев, держащих калям и лист рукописи, интеллектуальность всего внешнего облика выявляют в герое черты ученого-просветителя в расцвете творческой деятельности, создателя старокалмыцкой письменности.

Курган, В. П. Гарри Олегович Рокчинский / В. П. Курган. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. – С.10 – 11.

Данильченко Борис Филимонович (1933 – 1977).Член Союза художников СССР с 1967 года.

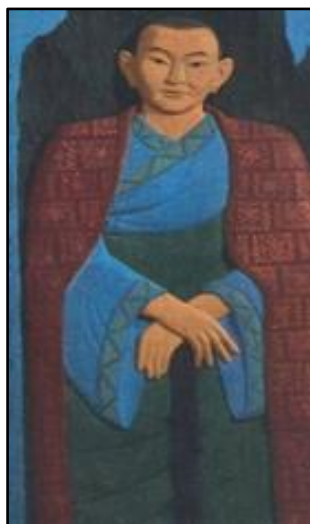
«Зая-Пандит – основатель ойрат-калмыцкой письменности» (1967 г.).

Искусствовед, художник Иван Ковалев пишет о картине Б. Данильченко: «Портрет Зая-Пандиты – одна из лучших работ художника. Образ Зая-Пандиты прост. Аскетичен. На фоне традиционной буддийской живописи (дарцика), изображающей степь, крупным планом выделяется мощная фигура ученого-мыслителя. Он восседает за маленьким письменным столиком, в одной руке держит перо (калям), в другой – лист бумаги. Он не молод, это подчеркивают глубокие морщины, которые залегли на лбу, на щеках, в углах губ, под глазами, сильно выпирающие скулы и бритая голова. Черты его лица укрупненные. Лицо сосредоточенно-задумчивое, с выразительным острым взглядом и сжатым волевым ртом. Одет он в простой рабочий халат, на плечах накидка. Лист обрамляет национальный орнамент. В правой верхней части портрета начертано имя ученого. В портрете все подчинено стремлению художника подчеркнуть простоту и величие, мудрость и силу этого удивительного человека».

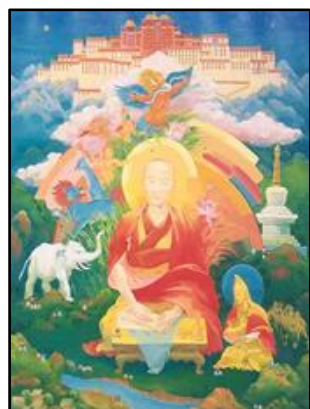
Ковалев, И. Г. Борис Филимонович Данильченко / И. Г. Ковалев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. – С. 34, 38.

Васькин Владимир Савельевич (1941 г.).Член Союза художников СССР. Заслуженный художник России, заслуженный деятель искусств Калмыкии, лауреат Серебряной медали Академии художеств России. Почетный гражданин Республики Калмыкия.

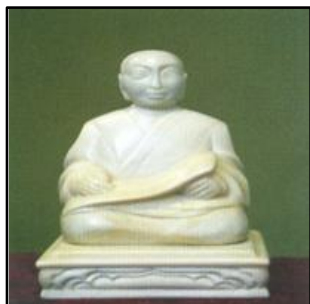
«Зая-Пандит»

Поваев Александр Михайлович (1948). Член Союза художников России, Народный художник Калмыкии, награжден Серебряной медалью Академии художеств России в 2008 г.

Зая-Пандита

Дорджиев Виктор Исаевич (1953 г.). Член Союза художников России, мастер по художественной обработке (кость, камень, дерево).

«Зая Пандита».
Бивень мамонта. 2007 г.

Рокчинский Руслан Гарриевич (1954 – 2003). Окончил Пензенское художественное училище им. К. А. Савицкого в 1978 году.

**Зая-Пандита.
Гипс.**

Памятник открыт в 1999 г., в год 400-летия великого ойрат-калмыцкого гуманиста и просветителя, политика и религиозного деятеля, также 350-летия созданной им ойратский письменности «Тодо бичиг» («ясное письмо»).

Песня А. Б. Эрдниева на слова народного поэта Калмыкии Т. Бембеева «Зая-Пандита».

Зая-Пандита / үгнь Бембин Тимофейин //
Эрднин, А. Буурл тег, чамдан! / Эрднин А. –
Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2006. – С. 31 – 32.

Е. Болдырева

зав. сектором отдела развития и поддержки детского чтения